

# Безопасность, территория, население

1978 [1].

Курс был посвящен генезису такого политического знания, которое располагало бы в центре своих интересов понятие населения и механизмы, способные обеспечить его регулирование. Что это? Переход от «территориального государства» к «государству населения»? Несомненно, нет, ибо речь идет не о замене, но, скорее, о смещении акцентов и о возникновении новых целей, а, стало быть, новых проблем и новых техник.

Чтобы проследить этот генезис, в качестве путеводной нити было взято понятие «управления».

1) Была поставлена задача провести углубленное исследование не только этого понятия, но и процедур и средств, задействованных для обеспечения в данном обществе «управления людьми». При первом рассмотрении кажется, что в греческих и римских обществах осуществление политической власти не предполагало ни возможности «управления», ни права на него — управления, понимаемого как деятельность, стремящаяся вести индивидов на протяжении всей их жизни, держать их под властью некоего поводыря, ответственного за то, что они делают, и за то, что с ними происходит. Если следовать указаниям, предоставленным П. Вейном, то похоже, что идея властителя-пастыря, короля-пастуха или судьи-пастуха человеческого стада почти не встречается в архаических греческих текстах или у некоторых немногочисленных авторов имперской эпохи. Зато метафора пастуха, присматривающего за овцами, была распространена, когда следовало охарактеризовать деятельность педагога, врача, учителя гимнастики. Анализ «Политики» Аристотеля подтверждает эту гипотезу.

Тема пастырской власти обрела свой вес именно на Востоке — и особенно в древнееврейском обществе. Эта тема отмечена известным количеством черт: власть пастуха осуществляется не столько над фиксированной территорией, сколько над множеством животных, перемещающихся к определенной цели; роль пастуха — снабжать стадо средствами к существованию, каждый день не смыкая глаз обеспечивать его благополучие; наконец, речь идет о власти, индивидуализирующей своих подданных, сообразно существеннейшему парадоксу наделяя каждую из овец той же ценностью, что и стадо в целом. Именно этот тип власти был введен на Западе христианством и принял институциональную форму в церковном пасторате: управление душами определяется в христианской Церкви как ее центральная деятельность, необходимая для спасения всех и каждого и доступная лишь прошедшим длительный курс обучения.

Однако уже в XV и XVI вв. развивается общий кризис пастората. И проходит он не только и не столько в форме отвержения пастырского института, но в гораздо более сложной форме: поисков других модальностей (и не обязательно менее строгих) .духовного водительства и новых типов отношений между пастырем и стадом; а также поисков способа «управления» детьми, семьей, областью, княжеством. Пересмотр способов управления и управления собой, водительства и самовыражения сопровождается в конце феодального периода рождение новых форм экономических и социальных отношений, а также новых политических структур.

2) Впоследствии был проведен анализ формирования политического «искусства государственного управления» в некоторых из его аспектов — т. е. способа, каким поведение некоей совокупности индивидов все отчетливее имплицировалось в осуществлении суверенной власти. Это важное преобразование характерно для различных «искусств управления», отмеченных концом XVI в. и первой половиной XVII в. Без сомнения, оно связано с появлением «государственного интереса». Происходит переход от искусства управления, принципы которого были заимствованы из традиционных добродетелей (мудрость, справедливость, щедрость, соблюдение божественных законов и человеческих обычаев) или из таких присущих многим людям качеств, как благоразумие, взвешенность решений, забота об окружении себя наилучшими советниками, — к искусству управления, рациональность которого обретает свои принципы и сферу конкретного применения в государстве. «Государственный интерес» — это не императив, во имя которого можно или должно перевернуть все остальные правила; это новая матрица рациональности, согласно которой Государь должен осуществлять свою верховную власть, управляя людьми. От добродетели суверенитета справедливости пока далеко, но столь же далеко и до «добродетели» героя Макиавелли.

Развитие государственного интереса проходит параллельно с исчезновением имперской темы. Наконец-то перестали говорить о Риме. Формируется новое историческое восприятие; оно уже не поляризуется вокруг конца времен и унификации всех частных суверенитетов в империи последних дней; оно открывается бесконечному времени, в котором государствам приходится бороться друг с другом, чтобы обеспечить собственное выживание. И еще более важным, чем проблемы легитимной власти суверена над территорией, предстает познание и развитие сил государства: в пространстве (сразу и европейском, и мировом) межгосударственной конкуренции, весьма отличающемся от пространства, где сталкивались междинастические соперничества, основной проблемой является динамика сил и рациональных техник, позволяющих вмешиваться в межгосударственную конкуренцию.

Тем самым государственный интерес оформляется за пределами теорий, его сформулировавших и обосновавших, — в двух крупных массивах политического знания и политической технологии: дипломатическо-военной технологии, ставящей задачу обеспечения и развития государственных сил посредством системы альянсов и организации вооруженного аппарата; поиски европейского равновесия, ставшего одним из направляющих принципов Вестфальских договоров, представляют собой последствие этой политической технологии. Второй массив формируется «полицией», в смысле, придававшемся этому слову в ту эпоху: подразумевается совокупность средств,

способствующих росту государственных сил изнутри. В точке пересечения этих двух значительных технологий (в качестве их общего инструмента) находится торговля и межгосударственный денежный оборот: именно приносимое торговлей обогащение должно обеспечить увеличение населения, рабочей силы, производства и экспорта, а также наличие сильных и многочисленных войск. Привилегированным объектом нового правительственного интереса в эпоху меркантилизма и камералистики стало сочетание «население-богатство».

3) Именно разработка этой проблемы «население-богатство» (в ее различных конкретных аспектах, таких, как налоги, неурожай, падение рождаемости, праздность-попрошайничество-бродяжничество) образует одно из условий формирования политической экономики. Развитие последней идет в ногу с пониманием: управление отношением «ресурсы-население» больше не может происходить через регламентирующую и принудительную систему, ратующую за постоянное прибавление населения ради увеличения ресурсов. Физиократы не были антипопуляционистами в сравнении с меркантилистами предшествовавшей эпохи; они просто по-иному ставили проблему населения. Для них население не являлось простой суммой субъектов, проживающих на некоей территории, суммой, возникающей как результат осуществления желания каждого иметь детей, или же благодаря законодательству, которое благоприятствует или не благоприятствует рождению. Это переменная величина, зависящая от известного количества факторов. И отнюдь не все эти факторы являются природными — на количество жителей влияют и система налогов, и деятельность, обеспечивающая циркуляцию и распределение прибыли. Но такая зависимость поддается рациональному анализу, в результате которого становится ясно, что население «естественным образом» зависит от многообразных факторов, поддающихся искусственной модификации. Тем самым, находясь в отношениях деривации с технологией «полиции» и в отношениях корреляции с появлением экономической рефлексии, возникает политическая проблема населения. Население понимается не как совокупность субъектов права и не как множество рук, обязанных трудиться; оно анализируется как совокупность элементов, которая, с одной стороны, связана с общим режимом жизни живых существ (в таком случае понятие населения восходит к «человеку как виду» — это новое понятие, образовавшееся в рассматриваемую эпоху, его следует отличать от «рода человеческого»), а с другой — может предоставить повод для согласованного вмешательства (через посредство законов, но также и благодаря изменениям установок, форм поведения и образов жизни, каковые можно получить с помощью «кампаний»).

## Семинар

Семинар был посвящен некоторым аспектам того, что в Германии в XVIII в. называли *Polizeiwissenschaft*: т. е. анализу всего, «что предназначено утверждать и увеличивать мощь государства, должным образом использовать его ресурсы, обеспечивать благополучие его подданных», а также речь шла о «поддержании порядка и дисциплины, о положениях, целью которых было обеспечивать достойную жизнь граждан и создания условий для производства всего, что им необходимо для существования».

Мы стремились показать, какие проблемы приходилось решать такой «полиции»; насколько роль, ей предназначавшаяся, отличалась от той роли, что впоследствии исполняли полицейские институты; какого эффекта от их деятельности ожидали для обеспечения роста государства — и все это ввиду двух целей: дать ему возможность обрести свое место в конкурентной борьбе между европейскими государствами и гарантировать внутренний порядок, достигающийся через «благополучие отдельных индивидов». Развитие государства конкуренции (экономико-военной); развитие государства Wohlfahrt<sup>2</sup> (богатство-спокойствие-счастье); таковы два принципа, которые должна была координировать «полиция», понимаемая как рациональное искусство управления. Полиция понималась в рассматриваемую эпоху как своего рода «технология государственных сил»

Среди основных объектов, какими должна была заниматься эта технология, — население, в котором меркантилисты видели принцип обогащения, а весь мир признавал существенную часть силы государства. И чтобы управлять этим населением, среди прочего, необходима политика, заботящаяся о здоровье общества, способная уменьшить детскую смертность, предотвратить эпидемии и понизить уровень эндемии, способная вмешиваться в условия жизни, чтобы изменять их и навязывать свои нормы (независимо от того, идет ли речь о питании, об условиях жизни или об обустройстве городов), а также обеспечивать достаточное снабжение лекарствами. Развитие, начиная со второй половины XVIII века *Medizinische Polizei*, *hygiène publique*, *social medicine*<sup>3</sup>, необходимо вписать в общие рамки некоей «биополитики»; последняя стремится относиться к «населению» как к множеству сосуществующих живых существ, которые наделены конкретными биологическими и патологическими чертами, а следовательно, относятся к сферам специфических знаний и техник. И саму эту «биополитику» надо понимать, исходя из темы, развивавшейся начиная с XVII века: из управления государственными силами.

Были сделаны следующие доклады: о понятии *Polizeiwissenschaft* (П. Паскино), о кампаниях по оспопрививанию в XVIII в. (А.-М. Мулен), об эпидемии холеры в Париже в 1832 г. (Ф. Делапорт), о законодательстве, касающемся несчастных случаев на производстве и развития страхования в XIX в. (Ф. Эвальд).

---

Версия #2

Зверобой создал 1 февраля 2026 01:43:50

Зверобой обновил 1 февраля 2026 22:42:41